

Фрагмент из книги

Thomas von Steinaecker
***Das Jahr, in dem ich aufhörte, mir
Sorgen zu machen, und anfang zu
träumen.***

S. Fischer Verlag
Frankfurt 2012
ISBN 978-3-10-070408-5

S. 7-15, 109-113, 176-177, 386-389

Томас фон Штайнэккер
***Год, когда я перестала
беспокоиться и начала
мечтать.***

Перевела с немецкого -
Анастасия Корольченко
редактор перевода -
Марина Коренева

Утром 1 октября 2008 года, в мой первый рабочий день в Мюнхене, я в растерянности стояла на станции метро Нордфридхоф перед лестницей, ведущей наверх. На ступеньках, где заканчивался навес, а вместе с ним исчезало как воспоминание о лете и тепло подземных помещений, лежала тонкая пленка снега. С тех пор как в этом регионе ведутся метеонаблюдения, такое внезапное наступление холодов было отмечено раз или два. Кроме того, если мне не изменяет память, фея, предсказывающая погоду на канале RTL, глядя на которую я всегда задавалась вопросом, действительно ли у нее такие тусклые светлые волосы или эффект возникает из-за экрана, предсказывала легкую облачность, и ничего не сообщала о дожде, не говоря уже о снеге. Когда я через полчаса вышла из своей квартиры в Максфорштадте, началась буря – ветер примерно в пять – шесть баллов, прикинула я, - но пока еще было сухо. Подниматься по мокрой лестнице на семисантиметровых каблуках затруднительно.

Журнал «Гала» утверждает: «Убийственно высокие каблуки подрывают здоровье Виктории Бэкхем.» Анжела Брейли, урожденная Фик, управляющая страховой компанией «WellPoint Inc.» и, согласно рейтингу журнала «Форбс» одна из пяти самых влиятельных женщин в мире, говорит: «В конце концов, я все еще

женщина, а вы как думали?» Элли фон Унверт, модный фотограф, говорит: «Чем выше каблуки, тем лучше я себя ощущаю». Моя лучшая подруга Лиза Миллер говорит: «Носи и не жалуйся».

Снаружи сгущались сумерки нездорового оранжевого оттенка, подсвеченные уличными фонарями и огнями. В сумерках кружились снежинки. На другой стороне кольцевой дороги Миттлерер Ринг я заметила траурное шествие. Мимо кладбища, за стенами которого виднелись черные крылья статуй ангелов и кресты, шла, опустив головы, небольшая группа, примерно из тридцати женщин и мужчин в длинных темных пальто. У меня возникло чувство, будто мне передалась их боль, которая вызвала во мне безотчетные воспоминания, как я сама несколько месяцев назад, в июле, стояла в траурном зале всего лишь в нескольких километрах отсюда. Но потом эти мнимо скорбящие направились не к часовне, а в деловой квартал, расположенный на несколько улиц дальше. Они шли на работу, как и я.

Каждые четыре секунды в Германии происходит несчастный случай. Более 39% всех переломов костей в западноевропейских странах случаются из-за свежеснежавшего снега. У этой группы, учитывая ее численность, были все шансы внезапно поскользнуться, неловко приземлиться и заработать дорогостоящие переломы. И если это произойдет не с ними, то

с кем-то другим, теперь уж точно, наверняка. Это произойдет. Это произошло.

Над крышами малоэтажных домов и верхушками деревьев мрачно и упрямо возвышались ярко освещенные 33- и 28-этажные башни, мое будущее место работы, в некоторых окнах уже горел свет, как я и думала. К счастью, мне заранее подробно объяснили, как добраться сюда от станции метро, пройти по пешеходному мосту, через жилые кварталы и подземные переходы под дорогами, иначе этим утром я заблудилась бы и блуждала бы вдоль кольцевой дороги Миттлерер Ринг, не имея представления, как попасть к цели, к башням, маячившим перед глазами.

Офисы страховой компании «CAVERE», северного филиала в Мюнхене, располагались в восточном крыле на 15 этаже, руководство – на 20 этаже. Я нажала кнопку звонка и, пока автоматические двери жужжа не открылись, успела прочесть имена почти всех финансовых и налоговых консультантов, названия адвокатских контор и рекламных агентств. Это было общество, частью которого себя ощущала компания «CAVERE». Так было во Франкфурте, так было и здесь. «Вы мыслите широко? Мы тоже».

В наружном лифте имелась обязательная кнопка экстренного вызова. Обычно на табличке с технической информацией о лифте

был указан относительно свежий год производства. Кабина поднималась вверх мягко и бесшумно, что наводило на мысли об отлаженном тросе. Посмотрев на себя в карманное зеркальце, я поправила пострадавшую прическу. Как обычно, я нанесла макияж, пудру, тушь для ресниц, тени для век, подводку и красную помаду приглушенного оттенка. Без макияжа, пудры, туши для ресниц, теней для век, подводки и красной помады приглушенного оттенка я не чувствовала себя человеком. Я сильно пощипала щеки. Они заболели, но быстро приобрели желаемый оттенок здорового румянца.

Дверь открылась без помех, и я попала в полукруглое фойе страховой компании «CAVERE», северного филиала в Мюнхене. Фирменные цвета компании, оранжевый и синий, широкими полосами расходились по обеим выпуклым стенам и напоминали мне о флаге страны, название которой вылетело из головы. Согласно данным исследований, комбинация оранжевого и синего позитивно настраивает большинство людей. Серо-голубой ковер с коротким ворсом гармонировал с комплектом шести стульев, обтянутых кожей темно-серого оттенка; они располагались перед телевизором с плоским экраном, на канале «n-tv» красной бегущей строкой шла информация о последних сделках на бирже; ковер удачно сочетался и с желто-зеленым фикусом

Бенджамина в горшке, который мало кто отличает от обыкновенного. Рядом массивная и, тем не менее, изящно изогнутая стойка из каштанового дерева, не просто деталь интерьера, а часть дизайнерской композиции.

Еще минуту назад я чувствовала неприятное сердцебиение, с которым мне не удалось справиться даже при помощи «Тревилора», принятого час назад, и вот теперь сердце перестало так колотиться, и я вновь обрела профессиональную уверенность. Улыбаясь, уверенной походкой я направилась к женщине, на вид ей было лет тридцать, слишком полная, одета в коричневый брючный костюм.

- Доброе утро, госпожа Актан, - обратилась я к ней по имени, взглянув на бейдж, и задалась вопросом, как соотносится ее принадлежность к мигрантам с этническим составом среднестатистических клиентов «CAVERE» в северном филиале в Мюнхене.

- Доброе утро ... ммм ..., - она заправила длинные черные локоны за уши и попыталась скрыть неловкость, что позабавило меня, - приём посетителей начнется вообще-то только в восемь.

- Ренате Майснер.

Я выдержала паузу, чтобы увидеть, какой эффект на нее произведет мой статус. Никакого.

- Я Ренате Майснер. Новая заместительница

руководителя филиала.

- Заместительница ... руководителя филиала?

- Ренате Майснер, - повторила я.

- Странно. Об этом ... ммм ... я ничего не знаю. Она пролистала календарь внушительных размеров.

- Может быть, Вам на этаж выше? Все руководство там.

Она схватила телефонную трубку.

- Одну минутку. Я сейчас узнаю...

Ожидая ответа, она пристально смотрела мне в глаза.

- Разве не здесь приемная Северного филиала ... Ах, вот как, наверху?

Я слишком громко засмеялась. Госпожа Актан мне не ответила. Она шептала в трубку.

Оранжево-синие полосы. Диктор новостей по телевизору, обращавшийся к кожаным стульям и фикусу Бенджамина.

Я попыталась вспомнить, как на табло в лифте появляется цифра «четырнадцать», у меня не вышло. Где было написано «CAVERE»? Мне вдруг показалось, что обстановка гораздо больше подходит для рекламного агентства, чем для страховой компании. И эта Актан тоже.

- Госпожа Майснер?

Из светлого коридора донесся звучный баритон. Ко мне спешил какой-то господин, лет

шестидесяти, на две головы выше меня, с небольшой лысиной и черными усами, в очках, в костюме в тонкую полоску от «Бенвенуто», жилистый, крепкий. Вилли Шольц, руководитель, я его заместительница. Демонстрируя 100% уверенности в себе, я, с улыбкой на лице, перестала опираться на запотевшую стойку.

- Только что разговаривал со Штрукком.

Он обнажил ровные белые зубы, мосты или имплантаты, операция болезненная, но, учитывая ежедневный контакт с клиентами, целесообразная, и, похлопав по правому плечу, пожал мне руку. Смерил меня взглядом, на одну-две секунды дольше, чем того требовали правила приличия.

- Внесение поправок в наше предложение для фитнес-центра на стадионе, кажется, начало приносить плоды. Речь идет о четырех центрах.

Сбоку донесся голос администратора, которая уже давно не подавала признаков жизни:

- Мне действительно очень неприятно. Последнее время меня не было в офисе, а тот, кто подменял меня, забыл сделать пометку. Замечательно, что Вы здесь, и добро пожаловать к нам.

Я одарила ее улыбкой, которая означала, что я ее прощаю, хотя при моем положении могла повести себя иначе. У меня доброе сердце.

Шольц движением руки пригласил меня пройти

в коридор, и кивнул, пропуская вперед. Он носил часы марки «Брейтлинг».

- Прошу.

Я размышляла, стоит ли мне прямо сейчас продолжить начатый разговор о Штрукке, который был, как я успела выяснить заранее, владельцем сети фитнес-центров, или лучше подождать. Подумав, я решила вернуться к этой теме позже, когда пойму, что представляет собой мой собеседник. От Шольца пахло «Фьюел», новым ароматом от «Дизель», я точно знала.

- Я покажу Вам компанию. Вообще, что касается, как говорится, ориентирования, здесь все просто. Справа страховые агенты, напротив большой офис со специалистами отдела возмещения убытков ...

А ведь он мог бы сказать:

«Вот увидите, хотя Вас и перевели из Франкфурта в Мюнхен в порядке, так сказать, дисциплинарного взыскания, Вы еще сможете извлечь из такой перемены пользу. Заместительница руководителя филиала — не так уж плохо, к тому же еще и перемещение. Как по-Вашему, мы же друг с другом сработаемся?»

Или что-то в этом духе. Тогда бы между нами установился бы человеческий контакт, плюс - неприятная тема была бы закрыта. Хотя уже одно то, что он не стал публично обсуждать

обстоятельства моего перевода сюда, можно все-таки считать положительным моментом. Это давало возможность сосредоточиться на главном.

А, может быть, он думал:

«Вот она какая. Вот как она выглядит. Н-да, очень аппетитная штука. Вот с кем путался Вальтер Альбрехт. Да только он все равно остался с женой, а подружку спихнул на мою шею. Еще неизвестно, соображает ли она вообще в страховании.»

Если ему действительно приходили в голову подобные мысли, интересно, он использовал выражения «путаться», «трахаться» или «заниматься сексом», или он был настолько корректен, употреблял даже про себя выражение «иметь что-то с кем-то», принятое во франконском диалекте.

- В отделе двенадцать сотрудников, насколько мне известно, - дополнила я.

- Совершенно верно.

Он обрадованно посмотрел на меня, как будто я только что сообщила ему приятную новость. - Я вижу, Вы в курсе.

Короткая остановка перед открытой дверью, ведущей в темную комнату.

- Ваши коллеги, страховые агенты. Вот Мартин Люкнер.

Следующая дверь закрыта.

- Здесь у нас Сердар Кобан.

К счастью, я была единственной женщиной среди страховых агентов северного филиала «CAVERE». Во Франкфурте, три года назад, нашу команду укрепили, как принято теперь говорить, молодой новой сотрудницей, Тamarой Кречман. Как только она появилась, я выпала из поля зрения моих коллег мужского пола. Когда мы вдвоем проходили мимо них по коридору, они смотрели теперь не на меня, а на нее, автоматически переводя взгляд на фигуру рядом со мной, чтобы затем сосредоточить внимание на той или иной наиболее интересной части этого тела - либо на области лица, либо на области груди, либо на области таза. Вскоре руководитель франкфуртского отделения стал поручать ей тех потенциальных клиентов мужского пола, в привлечении которых компания была крайне заинтересована. Поначалу я недооценила это развитие событий — я не разделяю точку зрения о женском соперничестве — после чего вынуждена была признать, что встречные меры, предпринятые мной для достижения лучших результатов — сверхурочная работа, творческие концепции, смена имиджа — почти не возымели должного действия.

- ... А это наш старожил.

«Ральф Катцер» - прочитала я на табличке рядом с абсолютно пустым офисом номер 1407. Посередине стоял лишь белый письменный стол, под которым что-то искал на полу

человек. Заметив нас, он поднялся, великан, с отверткой в руке, в новом галстукe на толстом грушевидном животе. Желтовато-коричневый цвет лица, морщины, заядлый курильщик. Я дала ему еще четыре, максимум шесть лет жизни.

Хотя я сразу узнала Гернота Линдингера, страхового агента из северного филиала Мюнхена, четвертого по счету на сайте «CAVERE», я удивленно сказала: «Господин Катцер?» Шольц, забавляясь, втянул носом воздух, следом за ним то же самое проделал сотрудник-старожил, странное хриплое эхо.

- Упаси Господи. Меня зовут Линдингер. Я работаю в этой прекрасной фирме уже двадцать лет.

Примечательно, он так выделил слово «прекрасной», что было непонятно, говорит ли он это с иронией или нет. Одышка вынуждала его делать паузы между словами. В целом же болезненно слабый голос, раньше наверняка выделявшийся на фоне всеобщего хохота или дававший указания подчиненным, подводил Линдингера, что обнаруживало состояние его здоровья. Возможно, Линдингер и неизвестный мне Катцер по каким-то причинам именно сегодня поменялись кабинетами. В течение дня мне расскажут о новом коллеге, вероятно, недавно принятом на работу для улучшения результативности нашей

команды.

- А вы здесь та самая новенькая? - начал сотрудник-старожил. - Та самая, которая приведет все в порядок? Ну, я с удовольствием расскажу Вам, как тут у нас и что ...

- Довольно, Гернот. - перебил его Шольц. - Что ты прямо с порога напал на человека, дай госпоже Майснер сначала освоиться, - и ненавязчиво тронул меня за плечо, давая понять, что пора двигаться дальше. Он нервно подмигнул.

- Хорошего дня! А, может, и до скорого!

Голос Линдингера за нашими спинами, «до скорого» прозвучало также двусмысленно, как и «прекрасной».

Выйдя в коридор, мы пошли назад, так и не осмотрев всего. На стенах висели большие фотографии, они изображали группы хорошо одетых людей на приемах или вернисажах, стоявших за стойками и хлопавших. Возможно, это были художественные фотографии.

- Мы сейчас быстро поднимемся к начальнику всего этого, пока он на месте. Лаузе. Потом я покажу Вам Ваш кабинет. Руководство «CAVERE-Bayern» находится над нами, как Вы знаете.

Внезапно Шольц начал счищать с пиджака воображаемые волоски, из чего можно было заключить, что темы «начальство» и «Лаузе» на все 100% не вызывали у него

положительных эмоций.

Благодаря панорамному окну офис председателя правления на 32 этаже казался еще больше, чем он был на самом деле. Письменный стол из светло-серого камня, не мрамора, на нем – плоский экран и телефон, два стула, шкаф с настольными словарями и две статуи, наверное, стальные, органические, то ли улитка, то ли ушная раковина, в остальном – простор и пустота. Власть проявляется в огромных промежутках между небольшим количеством объектов, подумала я, когда секретарша в юбке-карандаш придержала нам дверь, и мы вошли.

Сухопарый Лаузе был примерно моего возраста и примерно такого же роста, как и я на каблуках. Он носил часы «Омега». Раскачиваясь на каблуках, Вилли Шольц представил меня Лаузе. Тот смерил меня взглядом, на две-три секунды дольше, чем того требовали правила приличия, и я почувствовала, как над Шольцем сгущается страх, его скрещенные руки судорожно подергивались. Будучи на 20 лет старше председателя правления, явно превосходя его в физической форме, но каждый раз встречаясь на конференции, каждый раз приходя за окончательным благословением, он стоит перед фактом: я не так далеко продвинулся, как ты, в то время как я, ради удовольствия или разминки тренирую собственный

профессионализм, оценивала их. Сколько стоили жизни обоих мужчин по моим подсчетам? Необходимо было сопоставить среднестатистическую продолжительность жизни немецкого мужчины, по данным на осень 2008 года, с его должностью и связанным с ней риском для здоровья плюс выплаченными до тех пор страховыми премиями, причем необходимо учитывать, что, чем выше должность, тем больше страховое покрытие и дороже полис. Учитывая, что Лаузе занимает свою должность не дольше пяти лет и уже в течение этого срока использует широкое страховое покрытие, стоимость Вилли Шольца в шестизначных числах существенно ниже, чем председателя правления. Я поспешила заверить обоих, как меня это радует, что и так далее.

На обратном пути Шольц уже не выглядел раскованным, он казался очень утомленным. Уставившись взглядом в хромированную стену лифта, он прошептал:

- Вот так. Теперь Вы знакомы и с председателем правления. Хороший человек. Мы все надеемся, что он снова наладит здесь дела. Вы же знаете квартальные показатели. Причем это не только наша вина. Мы делаем прибыль. Мюнхен делает прибыль. А Франкфурт просаживает ее ... Как говорится, актуриат там. - Он покачал головой и выдержал паузу. - Пожалуйста, забудьте все, что я только что сказал.

Возможно, чисто случайно на слове «забудьте» он взглянул на меня, и я поверила в то, что в разочарованных карих глазах за очками, увидела душу или, во всяком случае то, что под этим принято понимать.

<...>

В тот вечер четверга или пятницы я шла домой, теплый осенний ветер со стороны Альп с большой скоростью продувал Мюнхен и его предместья насквозь. В свете городских огней облака надо мной сияли пурпуром.

- Вы видели эти длинные тупые рожи, когда им пришлось просить о помощи? - Голос принадлежал одному из Томасов или Штефанов из «EDV», почти половина всех работников этой компании, по моим подсчетам, носила эти имена. - Их дни сочтены, я Вам так скажу ...

Томасштефан посмотрел в сторону сберкассы, мимо которой мы как раз проходили.

- Люди изменяют свое мнение, в этом я совершенно уверена,- сказала я. - Этика будет снова иметь значение. Искренность снова будет играть важную роль. Это в своем роде начало с чистого листа... Как в 1989 году, в известном смысле...

Я больше не обращала внимания на Томасштефана, я как будто говорила сама с собой. Может быть, на обратном пути я всего лишь вела внутренний диалог.

Тем вечером пятницы 44 календарной недели

или другим вечером на этой неделе я ехала в трамвае и размышляла, имеет ли смысл перевести в золото маленькое наследство, которое мне оставила мама и которое я положила на банковский счет. У меня закружилась голова от мысли, что даже в худшем случае, вероятность наступления которого не казалась низкой, все то, ради чего она работала долгие годы, вдруг сравняется со стоимостью малолитражки или двухнедельного отпуска на Лансароте. Модели на рекламе украшенных к Рождеству витрин, которые проплывали за окнами трамвая, смотрели на наблюдателя из времени, которое через несколько дней будет уже в далеком прошлом, из другой эпохи.

Придя домой, я разложила на паркете семь белых таблеток «Лирики», сохраняя между ними одинаковое расстояние, после чего, сидя с салатом «Цезарь» на коленях, включила «Sony», который в прошлом январе мне подарил Вальтер. В очередной раз я вынуждена была констатировать, что я всегда смотрю телевизор именно тогда, когда, по мнению создателей сетки вещания, среднестатистический зритель ожидает увидеть комедию или боевик. Услышав в вечерних новостях о землетрясении в Северном Пакистане, я замерла, не успев донести вилку до рта, но, когда мне стало ясно, что речь идет, в крайнем случае, о катастрофе средней

тяжести, которая никоим образом не повлияет на страховой бизнес у нас – никто из моих клиентов не владел недвижимостью в Пакистане - я спокойно доела свой салат «Цезарь». К тому же съемка была плохого качества, пакистанцы, блуждающие среди руин, не отличались оригинальностью. Это могли быть кадры, снятые во время войны в Ираке. Я попыталась поставить себя на место женщины, моей ровесницы, укутанной в бурку, жалобно бьющей себя в грудь и издающей резкие звуки. Я прекрасно понимала ее безнадежное положение. Тем не менее, я не могла ощутить эмоциональную связь с ней. Я переключила канал. Политики, пытающиеся подобрать правильные слова, и жители Клагенfurта, стоящие в очередях и оплакивающие в приятной мне австрийской манере умершего от несчастного случая Йорга Хайдера, впечатлили меня немного больше. Наверное, уже наступила полночь, я так и не сумела выкинуть из головы сделку с Утцем и телефонный разговор и, в конце концов, достала из папки с DVD диск, который записал мне Вальтер по моим многочисленным просьбам. Вид уникальных глобальных катастроф, произошедших за последние лет 25, обычно успокаивал меня. Номер 1: 11 сентября, номер 2: цунами в 2004, номер 3: ураган Катрина, номер 4: вторая война в Ираке и так далее.

Иногда за просмотром самых жутких событий я вспоминала о тех моментах, когда я впервые о них узнала, разговаривая по телефону, охваченная недоверием и непривычным возбуждением, перед телевизором с Лизой, с моей мамой, с моими братьями или с людьми, с которыми я почти не поддерживала никаких личных отношений, например, с коллегами по работе. Днем 11 сентября 2001 года – Всемирный торговый центр уже горел, но еще не рухнул – я по какой-то причине была дома, когда в дверь моей франкфуртской квартиры позвонили. На пороге стоял мужчина в костюме, он попросил позволить ему посмотреть у меня телевизор, он только что с работы, живет в Ханау, но хочет только одного – посмотреть телевизор. Следующие часы мы провели сидя рядом на моем диване, гадая, кто стоит за нападением, что теперь будет и так далее, смеялись, молчали, в какой-то момент мужчина смахнул слезу со щеки, совершенно не стыдясь этого, прямо при мне. Вечером он попрощался, снова поблагодарил меня, мы обнялись. В такие дни за считанные секунды теряешь все, что до того казалось неотъемлемой частью моей жизни, ее смыслом. Такое ощущение, будто отменили закон гравитации и теорию вероятности. Что принесет будущее, что будет завтра или послезавтра, неизвестно.

В этот вечер пятницы или субботы я решила посмотреть 9 - 11 главу диска Вальтера. В

начале нового тысячелетия я, честно говоря, была немного разочарована тем, что первый год нового миллениума совсем не отличается от предыдущего. Годами мы жили в ожидании 2000 года. Но когда закончились праздники и потянулись месяцы без каких бы то ни было событий, достойных упоминания, мне вдруг показалось, что мы теперь живем в бесконечном настоящем, как будто будущее исчезло. Поэтому я думаю, не только мне в тот сияющий сентябрьский день показалось, что наконец пришло запоздавшее исполнение обещания чего-то великого, ужасного.

И так получилось, что в этот вечер, сидя на матрасе, рядом с пустой пиалкой из-под салата, которую телевизор подсвечивал голубым цветом, я вдруг ощутила желание чего-то нового, сенсационной беды, которая все остановит.

<...>

Среднестатистическая немецкая женщина, родившаяся в 1960-е годы и работающая, в течение жизни 4 560 часов ходит за покупками и 864 часа сидит у парикмахера, на протяжении 67 часов она испытывает агорафобию, 107 часов боится, что наступит босыми ногами на осколок или обломок, 162 часа боится пауков и других животных, 278 часов боится посадить на платье пятно. 304 часа она боится, что кто-нибудь заметит, что она пукнула, 340 часов боится выпадения волос, 365 часов боится, что

ее прическа не держится. 420 часов она боится забеременеть, 422 часа она боится, что не выключила утюг или плиту. 432 часа она боится, что выбрала неправильный подарок, 588 часов она боится заболеть раком, 645 часов боится опоздать, 827 часов боится попасть в аварию. Среднестатистическая немецкая женщина, родившаяся в 1960-е годы и работающая, 945 часов испытывает страх, что она не найдет или потеряет работу, 976 часов она боится, что не сможет иметь детей, 1002 часа она боится одиночества, 2190 часов она боится упасть. 2666 часов она боится простудиться, 4899 часов она боится, что что-то случится с ее ребенком. 5361 час она боится ожирения. Около 14 559 часов своей жизни она боится смерти.

<...>

В тот же день я перебралась из отеля «Марс» в маленький пансионат на пляже под названием «Надежда», который мне посоветовал консьерж. С тех пор я ничего больше не слышала о Медове. Я объяснила моим братьям по конференц-связи, что потеряла работу и взяла тайм-аут в Самаре. Я спросила их, знали ли они, что бабушка вовсе не погибла в аварии, а до восьмидесятых общалась с нашей мамой. После короткой паузы Эрих сказал:

- Ну да. А ты не знала?

Мама рассказала об этом ему и Эрвину незадолго до смерти. Они решили не говорить

мне об «этом факте», исходя из того, что я и так уже узнала об этом от мамы, и это окончательно выбило меня из колеи с учетом из-за «последних напряженных месяцев». Они и не станут расследовать, что стало с нашей бабушкой. Ведь, так или иначе, что уже произошло, то произошло. Может быть, она даже живет где-то еще, кто ж знает. И кого это волнует. О моем подозрении, которое впоследствии оказалось ложным, я не упомянула. На прощание Эрех сказал:

- Дай знать, когда вернешься, когда снова будешь здесь.

Эрвин сказал:

- Да.

Они явно говорили то, что думают.

Три-четыре раза подряд на дисплее моего «Блэкберри» высветился незнакомый номер кого-то из «CAVERE». В начале января звонил Вилли, чтобы сообщить мне новость о самоубийстве Мартина. Он держал себя в руках, говорил о возможном досрочном выходе на пенсию, который, вероятно, будет иметь для него и положительные стороны. Лиза прислала мне смс: «Друг или враг?» Я ей не ответила. Думаю, я встречу с ней, как только вернусь в Мюнхен. Тогда выяснится, продолжатся ли наши отношения и в каком виде.

Здесь, в маленькой комнате пансионата, я решила все записать, чтобы разобраться в произошедшем за год. Это меня отвлекает. Это доставляет мне радость. Я размышляю, имеет

ли смысл послать эти заметки, предварительно основательно переработанные, госпоже Вассеркинд, она же хотела знать, кто я, даже если и по той причине, которой уже нет.

Я ношу плотный мужской свитер с зигзагообразным узором и простые джинсы, купленные в центре города. Единственная батарея в моей скромно обставленной комнате, обшитой светлым деревом, едва справляется с царящим снаружи холодом.

Сегодня 16 января 2009 года, пятница, 10 часов 44 минуты. Я сижу за столом и отрываю взгляд от листов в блокноте, которые я исписала в течение последних недель. Сначала было непривычно снова писать от руки. Я не хочу здесь покупать себе ноутбук, так как я не знаю, что принесет завтрашний день. Я стараюсь экономить. На страницах, которые я подкладывала при письме, остались отпечатки от шариковой ручки. Предложения, отпечатавшиеся дважды и трижды, становились все более нечеткими, пока не превращались в ничего не значившие черточки и точки.

Все чаще случается, что я вижу себя в ближайшем будущем, и я позволяю себе это. Я сижу на лугу. Сейчас лето. Я рассматриваю оттенки зеленой травы. Я слышу насекомых, людей, которые лежат рядом со мной, на полотенцах, полуголые, и общаются. Я сижу на лугу без определенной причины. Или я ем. Стейк, картошку, фасоль. Я не обращаю внимания на калории, я обращаю внимание на

то, как мои зубы разжевывают мясные волокна, как мой язык перекачивает во рту фасоль, на вкус картофеля, мучной, маслянистый. Или я иду по большому городу. Я перехожу улицы, заполненные машинами, смотрю на витрины, разглядываю прохожих. У меня нет цели. Мне достаточно просто идти. Или здесь я встречаю мужчину. Он смотрит на меня, я смотрю на него. Я люблю человека, которого я вижу. Всё в нем. Вопреки всему. С этого момента жизнь разделяется на до и после. До лишь иногда имеет смысл. После заключает в себе гораздо больше смысла.

С большой вероятностью до 2067 года, моего столетнего юбилея, я не доживу. Мировое население в 2011 году составит семь миллиардов; в 2050 году – девять миллиардов. В 2010 году пройдет следующий чемпионат мира по футболу. До конца этого же года Германии предстоит пережить кризис. В 2013 году пройдут следующие выборы в бундестаг. До 2025 года в Германии число безработных увеличится всего лишь на 1,5 миллиона. До 2040 года Северный полюс растает. Венеция уйдет под воду. Шанхай уйдет под воду. Нью-Йорк уйдет под воду. Предполагаемая продолжительность жизни рожденной в 2008 году девочки составит 76,9 лет. Каждую секунду умирает 1,75 человека, 3 человека рождаются каждую секунду. Моя мама умерла в 64. Если учесть наследственность и взять за

основу возраст, в котором она умерла, то мне осталось минимум 22 года.

Я занялась разработкой плана на следующие недели. Лист со списком людей, с которыми стоит поговорить дома, важными фирмами, сроками подачи документов лежал рядом с моей рукописью. Он все еще чистый. Подо мной, под моим окном, раскинулось заснеженное поле. На сегодня я, пожалуй, отложу всю работу. Замотаюсь до ушей, как всегда говорила моя мама, спущусь по лестнице и пойду по улице, в лес. Уже через несколько минут шаг за шагом на поле будут оставаться мои следы. В последние дни я иногда забираюсь в чащу. Пока стволы деревьев качаются под тяжестью снега и скрипят на ветру, между сучьями, за кустами, не чувствуешь бурю. Да, там можно сидеть с закрытыми глазами – и верить, что весна стоит на пороге. Весна.